

Наука труда и созидания

Есть среди наших праздников один, не имеющий точной даты, однако столь же полной радости и глубокого значения, как и те дни, что отмечены красным цветом на календаре. Это — ежегодное торжество творческого труда, всенародный праздник присуждения Сталинских премий.

Общество, построенное на основах науки, народ, который учится весь — от малого до старого, трудовые люди, непрерывно работающие для мирного производства Родины, празднуют ежегодно новые победы своей науки и техники и вручает победителям награду имени великого коприфера науки, организатора и создателя нашего могущества — товарища Сталина.

С первых шагов советской власти наука стала предметом ее особенного внимания. Ленин и Сталин лично заботились об учёных. Создавали научные институты. Из небогатых тогда еще ресурсов молодого советского государства наука получила средства, чтобы научная мысль могла развиваться даже в те трудные годы. Был основан и поддержан Мичурин, получивший институт Жуковский, был обначен доверием и окружением всенародной любви Тимирязев, в полную силу работал великий Павлов.

Когда англо-американские империалисты и их наемники с многозадорным обрезом в руках лезли на нашу страну, партия закладывала фундамент будущего, в том числе и новой науки; науки книгами сидели молодые люди, которые сейчас возглавляют институты, университеты, академии... Ничего не жалело государство. Имя развития высших знаний. В 1935 г. И. П. Павлов на XV Международном конгрессе физиологов сказал:

«Сложившееся у нас отношение между государственной властью и наукой я хочу проиллюстрировать только примером: мы руководители научных учреждений, находимся прямо в тревоге беспокойстве по поводу того, будем ли мы в состоянии оправдать все те средства, которые нам предоставляет правительство».

С тех пор прошло более пятнадцати лет, из них почти десять — войны и восстановления. Положение науки,ченного, исследователя в Советском Союзе еще более улучшилось. Партия и правительство беспрекословно отдавали на философском фронте, создали работы, достойные высоких наград.

Богато развернулась советская индустрия и советское сельское хозяйство в послевоенный период. Два могучих потока пролетарства сливаются здесь воедино. Одни — это бурная инициатива широких масс тружеников на заводах и на полях. Другой — инженерная, конструкторская мысль, вооруженная передовой наукой.

Советская общественность с удовлетворением отмечает работы философов, которые,

передолевая отставание на философском фронте, создали работы, достойные высоких наград.

Механизированная промышленность, которая не только увеличивать производительность, но и освободить миллионы людей от тяжелого физического труда, сделать рабочих машинистами! И вот перед нами создание конструктора А. Д. Григорьева и группы инженеров — новый вид угольной комбайна для разработки тонких изогнутых пластов. Эта машина почти полностью исключает труд навалочников, она требует высококвалифицированных операторов.

— Довести культуру рабочих до уровня инженеров и техников! Вот перед нами завод, который получает алмазные чушки, а выходит коробки с готовыми автомобильными корзинами. И видите человек не прикасается ни к детали, ни к машине. Это — первый в мире завод-автомат, спроектированный под руководством член-корреспондента Академии наук СССР В. И. Дикишана.

— Обеспечить грандиозные земляные работы на стройках коммунизма машинами, мощность которых соответствовала бы масштабам этих строек! И мы видим, как на нескольких поездах отправляется из юга от Урала чудо строительной техники — шагающий экскаватор, разъятый для дальнего передвижения на тысячи частей. Ноильный гигант создан под руководством конструктора В. И. Сатовского и является гордостью Уральска — отца заводов.

Так, отвечая на требования жизни, наука техническая мысль предлагает индустрии все новые и новые средства производства.

Образ замечательного русского ученого — отца новой науки геологии, покойного академика В. И. Вернадского — встает перед нами, когда мы читаем постановление о Сталинских премиях. О движении атомов различных элементов в почве создал научную работу член-корреспондент Академии наук СССР А. П. Виноградов, один из учеников и близких со-трудников В. И. Вернадского. Охватывая самые широкие вопросы «химического хозяйства» нашей планеты, советская геохимия и, в частности, труд А. П. Виноградова помогают решать вместе с тем вполне конкретные проблемы сельского хозяйства.

Один из важнейших в самых разных вопросах современной физики — вопрос о природе тех сил, которые связывают друг с другом частицы, составляющие атомное ядро, — близок к успешному разрешению в значительной мере благодаря достижениям в изучении космических лучей. Еще в 1927 году советский физик Д. В. Скобельцын нашел метод, который позволил вести исследования космических лучей с невысоким дозированием. Государство предоставило ученым самые широкие возможности. Работы велись многими группами в разных местах страны, на специально построенных для этого высокогорных станциях.

Эти усилия были вознаграждены крупными успехами. Работы академика Д. В. Скобельцына, Н. А. Добротина и Г. Т. За-

цепина, посвященные так называемым электронно-ядерным явлениям и ядерно-каскадному процессу в космических лучах, являются важнейшим вкладом в мировую физику и открывают новые пути для дальнейшего проникновения в тайны строения материи.

Два грандиозных труда выделяются среди отмеченных премиями. Они созданы зоологами и географами.

Трехтомный труд академика Л. С. Берга «Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран» содержит почти 2000 страниц и, отражая общий рост советской геологической науки, является вместе с тем незаменимым пособием для работников плавких рыбной промышленности.

По постановлению Совета Министров СССР составлен и издан под руководством профессора И. С. Исакова первый том фундаментального «Морского атласа»: гравиационно-географические карты. Все моря и океаны планеты — рельеф их дна, их порты и якорные стоянки, пути судов и места их возможного ремонта, характер берегов и указания о навигационных опасностях — все это найдет капитанов дальнего плавания в новом атласе. Ученые отмечают, что выход атласа в свет составляет мировое событие в истории географической науки.

Еще одним свидетельством постоянной работы партии и правительства о привлечении миллионов советских людей к научным знаниям является присвоение почётного звания Сталинских лауреатов авторам выдающихся учебников и научно-популярных труда. Среди лауреатов мы видим ученых, умеющих владеть языками художественного слова, и литераторов, глубоко понимающих науку.

Советская общественность с удовлетворением отмечает работы философов, которые, преодолевая отставание на философском фронте, создали работы, достойные высоких наград.

Советская индустрия и советское сельское хозяйство в своем стремлении к усовершенствованию изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы отмечают основные направления, по которым движутся вперед наша индустрия и сельское хозяйство.

Механизировать трудоемкие работы — это значит не только увеличить производительность, но и освободить миллионы людей от тяжелого физического труда, сделать рабочих машинистами! И вот перед нами создание конструктора А. Д. Григорьева и группы инженеров — новый вид угольной комбайна для разработки тонких изогнутых пластов. Эта машина почти полностью исключает труд навалочников, она требует высококвалифицированных операторов.

— Довести культуру рабочих до уровня инженеров и техников! Вот перед нами завод, который получает алмазные чушки, а выходит коробки с готовыми автомобильными корзинами. И видите человек не прикасается ни к детали, ни к машине. Это — первый в мире завод-автомат, спроектированный под руководством член-корреспондента Академии наук СССР В. И. Дикишана.

— Обеспечить грандиозные земляные работы на стройках коммунизма машинами, мощность которых соответствовала бы масштабам этих строек! И мы видим, как на нескольких поездах отправляется из юга от Урала чудо строительной техники — шагающий экскаватор, разъятый для дальнего передвижения на тысячи частей. Ноильный гигант создан под руководством конструктора В. И. Сатовского и является гордостью Уральска — отца заводов.

Так, отвечая на требования жизни, наука техническая мысль предлагает индустрии все новые и новые средства производства.

Образ замечательного русского ученого — отца новой науки геологии, покойного академика В. И. Вернадского — встает перед нами, когда мы читаем постановление о Сталинских премиях. О движении атомов различных элементов в почве создал научную работу член-корреспондент Академии наук СССР А. П. Виноградов, один из учеников и близких со-трудников В. И. Вернадского. Охватывая самые широкие вопросы «химического хозяйства» нашей планеты, советская геохимия и, в частности, труд А. П. Виноградова помогают решать вместе с тем вполне конкретные проблемы сельского хозяйства.

Одним из важнейших в самых разных вопросах современной физики — вопрос о природе тех сил, которые связывают друг с другом частицы, составляющие атомное ядро, — близок к успешному разрешению в значительной мере благодаря достижениям в изучении космических лучей. Еще в 1927 году советский физик Д. В. Скобельцын нашел метод, который позволил вести исследования космических лучей с невысоким дозированием. Государство предоставило ученым самые широкие возможности. Работы велись многими группами в разных местах страны, на специально построенных для этого высокогорных станциях.

Эти усилия были вознаграждены крупными успехами. Работы академика Д. В. Скобельцына, Н. А. Добротина и Г. Т. За-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 31 (2749)

Четверг, 15 марта 1951 г.

Цена 40 коп.

Молодые силы советской литературы

1.

Неустанные заботы большевистской партии о примижении духовных боевиков нашей Родины принесли обильные урожаи. Литература наша пришла в поэтический период к замечательному расцвету. В этом расцвете соединились творческие достижения литераторов старых поколений и успехи молодых писателей.

Пожалуй, самое примечательное в литературе последних лет — это могучий и разносторонний приток новых сил в писательские ряды.

В 1947—1950 гг., за четыре года, прошедшие после первого Всесоюзного совещания молодых писателей, в Союз советских писателей СССР пришло 650 литераторов. Только в областных издательствах вышли 262 книги, которые принадлежат авторам, выступающим впервые. За это же время более двухсот книг выпустили лишь два московских издательства — «Советский писатель» и «Молодая гвардия». Неслиши при этом упомянуть, что за это время правительство присудило молодым писателям 45 Сталинских премий.

Новые литературные силы несут в себе богатое многообразие творческих даровностей. Однако при всем этом многообразии есть общие черты.

Прежде всего молодые писатели то же, что они принадлежат к поколению советских людей, выросших уже за годы советской власти и воспитанных советской школой, советскими университетами, советскими трудовыми коллектиками.

Творчество молодых писателей великолепно выражает целостность коммунистического мировоззрения, а признанный успех их творчества — это, в первую голову,

признание писателями их несомненной творческой идейности.

Пришла в литературу из гущи народа, с заводов, со строек из колхозов, они принесли с собой серебряное знание советской действительности. Непосредственные и активные участники строительства коммунизма, они, став писателями, остались строителями коммунизма и в литературе.

Отсюда изображение жизни в ее революционном развитии, в движении, в перспективе; отсюда множество больших политических и нравственных проблем и вопросов, поставленных в умной, хорошей книге.

Добрые слова о молодых писателях не означают. Понимается за дело без необходимой писательской подготовки. Больше того, он пишет книги, видимо, без того внутреннего

творческого позыва, при котором человек не может не писать. Книга ничем не впечатляет, в ней все рассудочно и мертвое, нет живых характеров.

О добье угла, о технике шахтерского труда в книге рассказывается много, но описание производственных процессов притягивает, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен главным образом писать. Это верно, писатель должен, прежде всего, писать; но советский писатель, по сути своей, является общественным деятелем и не может быть оторванным от огромной работы своей организации; он не имеет права не быть активным членом своего коллектива.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей и отдельных поручений аргументируется, например, тем, что это бывает много времени, тогда как писатель должен служить опправданием.

Вина и беда кое-кого из моих литературных сверстников — в стремлении оторваться от общественной работы, от участия в деятельности Союза советских писателей. Отказ от постоянных обязанностей

К. ЛАРИОНОВА

СТРОИТЕЛЬНИЦЫ

Е. НАУМОВ

КЛИНОК И КНИГА

К 25-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ
Д. ФУРМАНОВА

1.

Тринацать дней бушевал над Волгой буран. Остановились пароходы на пустых, застrevших в сугробах снегочистках.

Строители Куйбышевской ГЭС волновались. Приходилось расчищать дороги, вытаскивать застрявшие машины, отрывать засыпанное оборудование. Но вот ветер немного утих, чуть потеплело, и люди начали нагонять утраченное время.

— Лиза, не ходи на Волгу — еще очень холодно! — сказал кто-то из топографов, когда Калинина перекинула через плечо сумку с инструментами.

— Двадцать два грауса — это, по-выশему, холодно? — возразила Лиза и вышла из кабинета.

Топографы переглянулись и вышли вслед за ней. Что там ни говори, но когда единственная девушка в их партии уходит на полевые работы, мужское самолюбие не позволяет оставаться на камеральной обработке материалов...

Лиза Калинина уже далеко. Согнувшись, склоняется она на лыжах, преодолевая встречный ветер. Вот она ступает на прибрежный песок, берет в руки лыжи и входит в ущелье из обледеневшего тальника. Ветер гулит над головой.

Лиза Калинина оглядывается. Никто так не знает местность, как ее знает топограф. Каждая излучина, каждая пригорок измерены, изучены и нанесены ею на карту. Она знает, какие села и поселки правого берега Волги будут перенесены с открывающейся перед ней поймой за Янгудельскими горами. Она знает, где они будут расположены. Пусть это пока только планы будущих городов, но для топографа уже ярмы их открыты.

Калинина была одной из первых, кто прокладывал дорогу геологам, так же, как геологи теперь своим линиям открывают путь строителям. И Лиза, которая прямо из техникума попала на грандиозную стройку, гордится тем, что является участником огромной армии строителей.

Вдруг Калинина останавливается. Нередко, на самой дороге, стоит дом, которого раньше здесь не было. На крыше чернеет куст смородины с закутанными от мороза корнями. Около дома топчется старик в обитых кожей валенках. Он привлекает не по возрасту резво, бьет рукавицами одна о другую и поглядывает на указанную дорогу.

— Делушка, откуда здесь появилась дом? — спрашивает Лиза.

— Да вот, переехаем! — говорит старик. — Все отдалное должно переселиться подальше от берегов, вон туда, где были колхозные пчельни, и еще дальше...

Старик раз поговорил с новым человеком. Видать по всему, что ему на долю досторожить строение, отъехавшее от старого места и еще не прибывшее на новое.

Дом установлен на сани. След трактора терпится в сугробе. Видимо, трактор кое-как выбрался, а дому суждено стоять до тех пор, пока не придет бульдозер и не расчистит дорогу.

— И долго ты здесь будешь стоять, делушка? — весело спрашивает Лиза.

Делушка сиротится:

— Давно бы бросил да ушел работать, только внуки держат. Лично у меня теперь пролохочина, сноха стала лесорубом, а меня, значит, в нижней определили...

Старик, видимо, готов рассказать делушке всю свою жизнь, но Лиза торопит-

ся. Переезжающий дом — это здесь явление обычное.

На волжском просторе — лес буровых вышек, лыжи из труб телепузы, поставленных на лыжу, множество людей. Одни расчищают рабочую плошку, другие пробивают майны в метровом льду, на том месте, где строится перемычка.

2.

Лиза бежит к буровым. Бригада ведет бурение dna Волги.

Лиза весело приветствует технику гидрогеологических работ Елизавету Михайлловну Чечуркову.

— Добралась? Не замерзла? — певучим уральским говорком спрашивает Чечуркова, плотоядная круглоголовая женщина.

Она приехала сюда почти одновременно с Лизой. Знакомство их началось в те дни, когда они жили в одной палатке, готовили себе пищу на кострах и эти же женщины ободряли еще неопытную девушку, приучали ее к трудностям первых дней строительства. У Чечуровой двенадцатилетний стаж изыскательства. Она принадлежит к той гвардии строителей, которые прибрели сюда закаленными в борьбе и уверенными в победе.

Чечуркова ведет Лизу в ближайшую телепузку. Там уже греется худенькая девушка — полсобнича с буровым. Пряча улыбку, Елизавета Михайлловна говорит:

— С ней вот только что беда приключилась. С вышки слухо.

Лиза удивленно смотрит на девушку.

— В соревновании буровиков национальная бригада заняла первое место. Погнали я эту девушку вымыть на вышке повесить. Закрепила она флагок, стала спускаться, а тут налетел ветер, и ны и сбросила ее, как кленовый листочек. Хорошо, что в сугроб попала, словно в первую. Эх ты, строительница! — Чечуркова ласково треплет девушку по плечу. — Обиделась, уходить собралась! А мы-то ей только что валенки подсыпали. Понимашь, Лиза, такая у нее ноги маленькая, что база не смогла ее валенками обеспечить. С трудом достали.

— Уходить!.. Это с неприятками любит горчаться. И мне ведь тоже вначале было не легкого. Бывало, говорила мужу, — поднимусь куда потешнее, на Каховку или в Туркмению. А он отвечал: положи еще две незельки и здесь обживись. — И верно! Прошло не так уж много времени, и привыкла. Перед тем как идти домой, всегда забегала в демушки-контролеры узнать, сколько камней уложено в Волгу. Вчера вот сказали, что уже выше поднимается перемычка.

**

Вечером, пробежав на лыжах по Волге двенадцать километров, топограф Лиза Калинина возвращается домой. У самоводы сидят наружу, чтобы снять с вышки скакавшие на нее ветви.

Раздается громкий стук в окно: это раздаются звуки из телепузки. Из буровой выходит из телепузки. Из буровой скакавшие вынимают желонку и достают очередную пробу грунта. От вышки отходят девушки, наклоняясь над майданом, most руки в волжской воде и вытирают ее на вышке.

ПРАВЫЙ БЕРЕГ ВОЛГИ,
СТРОИТЕЛЬСТВО КУЙБЫШЕВСКОЙ
ГЭС

прироверяет его уроки. В восемь приходит муж. А через час Елизавета Михайлловна наливает полушубок.

— Куда?

— Да сбегаю, проверю, как у них там...

3.

Стоит спросить: кто лучший работник? — и вас направят точно и быстро, скажут не только адрес, но и честно известен человек, как он добился успеха.

Быстро я нахожу мастера ручного бурения Матрену Фастовец. Ее бригада разделяет пески, пригодные для бетонных работ и для намыва на плотину гидроэлектростанции. Матрена Фастовец выполняет со своей женской бригадой автогриппистом — триста процентов нормы, гордясь обеспечить строительство материалами.

«Украинский соловей» — зовут Фастовец в геологической партии. Вот она пришла с работы и напевает, укачивая смычку, с которой приехала на стройку.

Фастовец — маленькая, худенькая, с обветренным, как у всех геологов, лицом, с выгоревшими волосами, и карие глаза тоже кажутся выгоревшими. Ее бригада соревнуется с мужской бригадой буровиков, которой командует муж Моты — Богданов. Мужская бригада дает полтораста процентов, женская — двести. Мужская — известия, женская — триста.

Лиза удивленно смотрит на девушку.

— В соревновании буровиков национальная бригада заняла первое место. Погнали я эту девушку вымыть на вышке повесить. Закрепила она флагок, стала спускаться, а тут налетел ветер, и ны и сбросила ее, как кленовый листочек. Хорошо, что все идет правильно, девушка бежит к машине. Шофер уже держит руку на рычаге скорости. Аня вскакивает на подножку, и машина листит под уклон.

Позади горчат взвеси. Аня стоит на плавнике, глядя туда, где медленно поднимается шапка взрыва. Затем Аня Гаврилова возвращается обследовать результаты. Крупные глыбы соединяются, чтобы не ускользнули, насыпает взрывчатку поверх камня и размельчает его мелкими взрывами. Потом экскаватор грузит камень в кузов самосвала. В русле Волги все выше поднимается перемычка.

**

Вечером, пробежав на лыжах по Волге двенадцать километров, топограф Лиза Калинина возвращается домой. У самоводы сидят наружу, чтобы снять с вышки скакавшие на нее ветви.

Раздается громкий стук в окно: это раздаются звуки из телепузки. Из буровой выходит из телепузки. Из буровой скакавшие вынимают желонку и достают очередную пробу грунта. От вышки отходят девушки, наклоняясь над майданом, most руки в волжской воде и вытирают ее на вышке.

ПРАВЫЙ БЕРЕГ ВОЛГИ,
СТРОИТЕЛЬСТВО КУЙБЫШЕВСКОЙ
ГЭС

Лиза Калинина останавливается. Нередко, на самой дороге, стоит дом, которого раньше здесь не было. На крыше чернеет куст смородины с закутанными от мороза корнями. Около дома топчется старик в обитых кожей валенках. Он привлекает не по возрасту резво, бьет рукавицами одна о другую и поглядывает на указанную дорогу.

— Делушка, откуда здесь появилась дом? — спрашивает Лиза.

— Да вот, переехаем! — говорит старик. — Все отдалное должно переселиться подальше от берегов, вон туда, где были колхозные пчельни, и еще дальше...

Старик раз поговорил с новым человеком. Видать по всему, что ему на долю досторожить строение, отъехавшее от старого места и еще не прибывшее на новое.

Дом установлен на сани. След трактора терпится в сугробе. Видимо, трактор кое-как выбрался, а дому суждено стоять до тех пор, пока не придет бульдозер и не расчистит дорогу.

— И долго ты здесь будешь стоять, делушка? — весело спрашивает Лиза.

Делушка сиротится:

— Давно бы бросил да ушел работать, только внуки держат. Лично у меня теперь пролохочина, сноха стала лесорубом, а меня, значит, в нижней определили...

Старик, видимо, готов рассказать делушке всю свою жизнь, но Лиза торопит-

ся. Переезжающий дом — это здесь явление обычное.

На волжском просторе — лес буровых вышек, лыжи из труб телепузок, поставленных на лыжу, множество людей. Одни расчищают рабочую плошку, другие пробивают майны в метровом льду, на том месте, где строится перемычка.

**

Лиза бежит к буровым. Бригада ведет бурение dna Волги.

Лиза весело приветствует технику гидрогеологических работ Елизавету Михайлловну Чечуркову.

— Куда?

— Да сбегаю, проверю, как у них там...

3.

Стоит спросить: кто лучший работник?

— и вас направят точно и быстро,

скажут не только адрес, но и честно известен человек, как он добился успеха.

Быстро я нахожу мастера ручного бурения Матрену Фастовец. Ее бригада разделяет пески, пригодные для бетонных работ и для намыва на плотину гидроэлектростанции.

Матрена Фастовец выполняет со своей женской бригадой автогриппистом — триста процентов нормы, гордясь обеспечить строительство материалами.

«Украинский соловей» — зовут Фастовец в геологической партии.

Лиза Калинина останавливается. Нередко, на самой дороге, стоит дом, которого раньше здесь не было. На крыше чернеет куст смородины с закутанными от мороза корнями. Около дома топчется старик в обитых кожей валенках. Он привлекает не по возрасту резво, бьет рукавицами одна о другую и поглядывает на указанную дорогу.

— Делушка, откуда здесь появилась дом? — спрашивает Лиза.

— Да вот, переехаем! — говорит старик. — Все отдалное должно переселиться подальше от берегов, вон туда, где были колхозные пчельни, и еще дальше...

Старик раз поговорил с новым человеком. Видать по всему, что ему на долю досторожить строение, отъехавшее от старого места и еще не прибывшее на новое.

Дом установлен на сани. След трактора терпится в сугробе. Видимо, трактор кое-как выбрался, а дому суждено стоять до тех пор, пока не придет бульдозер и не расчистит дорогу.

— И долго ты здесь будешь стоять, делушка? — весело спрашивает Лиза.

Делушка сиротится:

— Давно бы бросил да ушел работать, только внуки держат. Лично у меня теперь пролохочина, сноха стала лесорубом, а меня, значит, в нижней определили...

Старик, видимо, готов рассказать делушке всю свою жизнь, но Лиза торопит-

ся. Переезжающий дом — это здесь явление обычное.

На волжском просторе — лес буровых вышек, лыжи из труб телепузок, поставленных на лыжу, множество людей. Одни расчищают рабочую плошку, другие пробивают майны в метровом льду, на том месте, где строится перемычка.

**

Лиза бежит к буровым. Бригада ведет бурение dna Волги.

Лиза весело приветствует технику гидрогеологических работ Елизавету Михайлловну Чечуркову.

— Куда?

— Да сбегаю, проверю, как у них там...

3.

Стоит спросить: кто лучший работник?

— и вас направят точно и быстро,

скажут не только адрес, но и честно известен человек, как он добился успеха.

Быстро я нахожу мастера ручного бурения Матрену Фастовец. Ее бригада разделяет пески, пригодные для бетонных работ и для намыва на плотину гидроэлектростанции.

Матрена Фастовец выполняет со своей женской бригадой автогриппистом — триста процентов нормы, гордясь

ДЕНЬ МОЛОДЫХ

А. ВЕЛИЕВ,
ответственный секретарь правления Союза
советских писателей Азербайджанской ССР

За последние два года ряды азербайджанских литераторов значительно пополнились молодыми кадрами, успешно работающими почти во всех областях литературного творчества — в поэзии, прозе, критике и драматургии.

В 1949—1950 гг. республиканским издательством опубликовано 25 книг произведений и поэтов, в подавляющем большинстве печатающихся впервые; на страницах печати появились интересные статьи молодых критиков.

Успехи молодых писателей, растущих по популярности способствуют активизации начинающей литературной молодежи. Их же можно предвидеть, что процесс дальнейшего развития азербайджанской литературы будет связан с появлением все большего количества новых имен.

Нынешнее положение в 1948 г., перед тем, как ЦБ КП(б) Азербайджана, вскрыло недостатки в состоянии азербайджанской литературы, обратил особое внимание на крайне слабое привлечение в литературу молодых сил, на отсутствие углубленной творческой работы с начинающими писателями со стороны нашего Союза писателей. Руководствуясь указаниями ЦБ, мы приступили к коренной перестройке этой важнейшей отрасли работы.

В поисках наиболее живых и плодотворных форм руководства литературной молодежи, творческого ее воспитания, нашлась идея организации «Дня молодых», вполне оправдавшая себя.

Еженедельно, при активном участии ведущих писателей, стали проводиться читки и обсуждения новых произведений молодых литераторов.

Первые же творческие «Дни молодых» привнесли огромное количество участников. Это была литературная молодежь: литераторы, работники газет и издательств, студенты литературных факультетов. Все они испытывали отсутствие подлинного творческого центра. «День молодых» стала постоянно встречаться с нашими ведущими поэтами, прозаиками, драматургами — Самедом Бургуном, М. Ибрагимовым, С. Рустамом, Маджидом Рагимовым, Расулом Раф, С. Рагимовым, А. Абульгасым, А. Джамалем — слушать их критику, советы, указания, — стал таким своеобразным центром, помогающим выявлять наиболее одаренных молодежи, росту ее мастерства.

«Дни молодых» проводятся по заранее намеченному плану. Соответствующие сессии союза предварительно знакомятся с намечаемыми в читке произведениями. Актив литературной молодежи союза, литературных факультетов вузов, кружков, реализует специальную оповещающую в бахчах привлечением «Дне».

На заседаниях в «День молодых», как правило, преисполнены один из членов президиума ССП. Так, один из почасовых «Дней молодых» проходил под руководством Самеда Бургуна.

На обсуждении была поставлена новая поэма молодого поэта Б. Касум-заде «Боевые». В ходе обсуждения выяснилось, что при наличии многих волнующих красочных эпизодов поэма страдает порочностью общего замысла. В своем выступлении Самед Бургун вскрыл и проанализировал этот порок, расценив его как серебряный искитый срыв молодого поэта. Воспевая красоту кочевой жизни, Касум-заде тем самым объективно проповедует своей поэмой возврат к старому. А между тем проблемы животноводства можно решить в нашей республике наиболее эффективным выявление наиболее одаренной молодежи, росту ее мастерства.

«Дни молодых» проводятся по заранее намеченному плану. Соответствующие сессии союза предварительно знакомятся с намечаемыми в читке произведениями. Актив литературной молодежи союза, литературных факультетов вузов, кружков, реализует специальную оповещающую в бахчах привлечением «Дне».

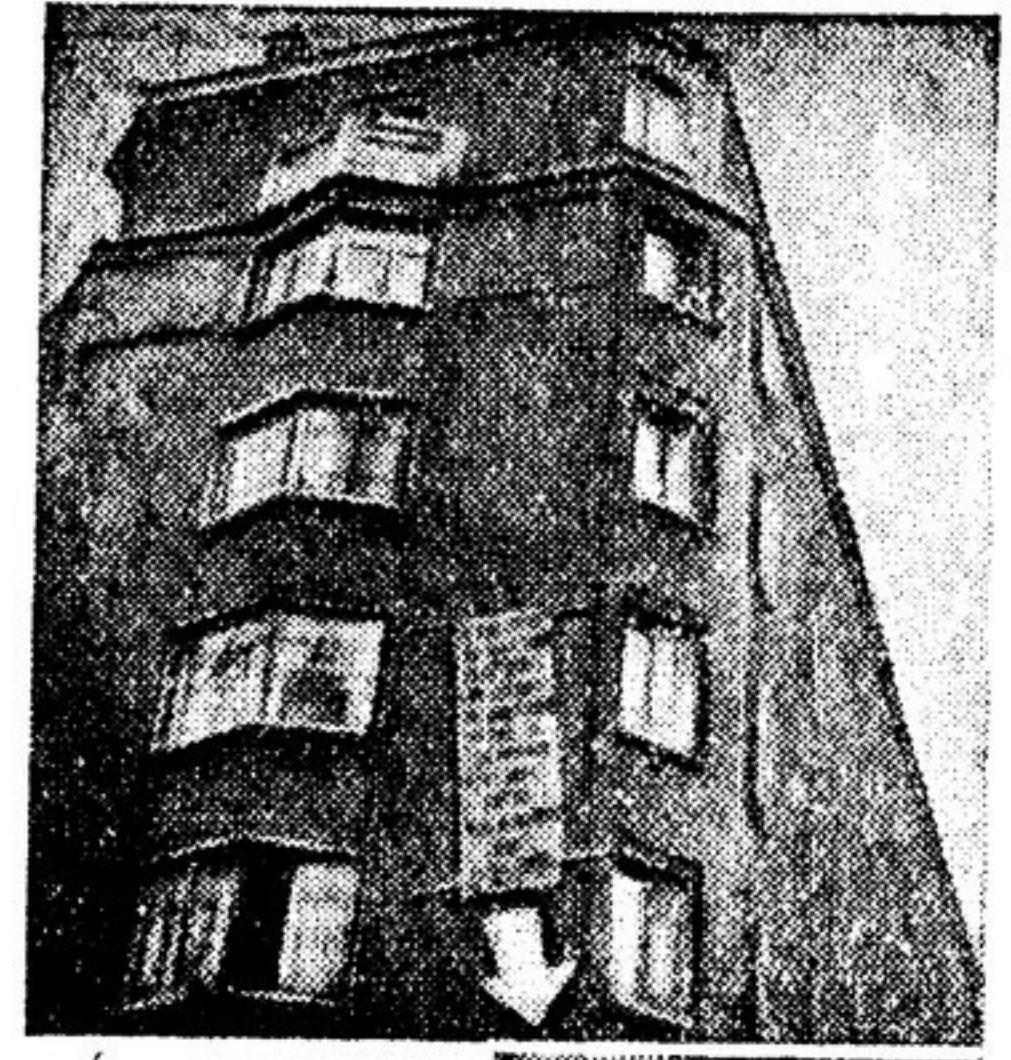
ТВОРЧЕСКИЙ ЭКЗАМЕН

Курбанурды КУРБАНСАХАТОВ,
председатель правления Союза
советских писателей Туркменистана

В своем стихотворении «Капыз счастья» молодой поэт пишет:

Свой край освободил отажды старой,
Живой водой преобразил пески,
Мы пустили на луга овец отары
И скакунов туркменских косяки.

...Когда придет канал счастья плавно
Дыханье освежающей волны,
Дни коммунизма мы увидим явно,
Как будто в ней они отражены...

Паризианки Монти, живущие в этом доме супица Альфонс-Карр, 19-й округ, вывесили на здании следующий плакат:

«Я — против ремилитаризации Германии, потому что фашисты заставили союзника моего отца, мать, брата и трех сестер. Не допускайте новых преступлений! Подпишитесь против ремилитаризации Германии!»

Снимок из французской газеты «Юманитар».

НАРОДЫ ТРЕБУЮТ ПАКТА МИРА!

«ФРОНТ МАТЕРЕЙ»

АВСТРИЯ. 11 марта в одном из крупнейших промышленных центров страны Санкт-Пельтене состоялась массовая демонстрация женщин в защиту мира. Тысячи демонстрантов с флагами и транспарантами, на которых значилось: «Требуем Пакт Мира», «Противопоставим фронт матерей фронту поджигателей войны!», прошли по улицам Санкт-Пельтена, тепло приветствуемые жителями города.

«КАЖДЫЙ ВЕНГР ПОДПИШЕТ ОБРАЩЕНИЕ»

ВЕНГРИЯ. В резолюции, единодушно принятой на днях Общевенгерским советом движения в защиту мира, говорится: «Мы единодушно поддерживаем Обращение о заключении Пакта Мира между пятью величайшими державами. Каждый венгр должен подписать под этим Обращением».

ГОЛОС ЖЕН И ДЕТЕЙ

РУМЫНИЯ. За последние дни сотни тысяч румынских женщин заявили о том, что они требуют заключения Пакта Мира. «Мы, матери, жены и сестры», — говорят в телеграмме женщин области Галаца Всемирному Совету Мира, — присоединяясь к Обращению Всемирного Совета Мира и усилив его своими подписями».

РЕШЕНИЯ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА — В МАССЫ

ПОЛЬША. На заседании Лодзинского комитета сторонников мира известный кинорежиссер Ванда Якубовская выступила с докладом о решениях Берлинской сессии Всемирного Совета Мира. По докладу Якубовской комитет принял резолюцию, полностью поддерживающую решения Всемирного Совета Мира. Участники заседания единогласно постановили развернуть работу по ознакомлению широких масс с этими решениями.

Анатолий СОФРОНОВ

Финские записки

2.

Мы были в Финляндии в дни, когда по всей стране проглатилась волна забастовок. Стачечным движением было охвачено свыше 100 тысяч рабочих. Бастовали, требуя повышения заработной платы, металлурги, деревообделочники, электрики, рабочие других профессий. Затихли фабрики, заводы, мастерские. Пролежали по извилистым каменистым дорогам мимо сосновых лесов и синих озер, мы только изредка видели на лесопильных единичные фигуры людей.

— Штрайкбрехеры, — хмуро роняя шутку.

На улицах Хельсинки работали организованные для рабочих пункты питания. Около них стояли автомобили с транспортными, призывающими подписывать Стокгольмское Воззвание.

В городе Турку мы случайно натолкнулись на митинг бастующих. Длинный забор был сплошь оклеен предвыборными плакатами — приближалась выборы в муниципальные органы. На плакате Демократического союза народа Финляндии был изображен согнувшийся под бременем налогом рабочий. Ни долю трудающих падает 70 процентов общей суммы собираемых налогом, а на буржуазию — только 30 процентов. Налогобложение в Финляндии — одно из самых тяжелых в мире. Плохоходный налог, например, вырос по сравнению с 1938 годом в три-четыре раза!

Митинг происходил на большом заводском дворе; присутствовало человек шестьсот; забастовщики стояли группами и сидели на каменных глыбах, на краю большого котлована. Надвинутые на лоб кепки, фетровые шапки, руки в карманах. Многие, конечно, многое плохо одеты. В глубине двора, на высоком деревянном крыльце заведоуправления была установлена трибуна с

Александр ЧАКОВСКИЙ

ГОРЕЧЬ ПОЗОРА

Это было на юге Кореи в конце августа. Была ночь, — единственное время суток, когда можно проникнуться по южной Корее, — но ночь, как на зло, лунная. Медный, точно ярко начищенный диск луны висел совсем низко, половина его скрывалась густо за сонками, но в одной половине было достаточно, чтобы мы чувствовали себя замятными отовсюду, как на ладони.

По американской воздушной технике на этот раз не было видно. Зато мы отлично видели американскую, навеки приземлившуюся технику. Из зарослей сонок, точно корейского офицера. Новым было то, что посадку, оказывается, летчику пришлось сделать из-за неисправности в моторе. Мне показалось странным, что американец не пытается смягчить свое трусливое поведение, — ведь он сдался фактически безоружному человеку. И так прямо и выскажал ему это.

Летчик ножом плечами и сказал:

— Не все ли равно?

В том, как он произнес эту туманную фразу, было столько азартности, я бы сказал, обреченностей, что мне очень захотелось вызвать американца на более подробный разговор. Я сказал:

— Вы сдались в плен, имея оружие в руках. Почему вы не защищались? Ведь против вас был всего один человек?

— Вы хотите сказать, что я трус? — спросил американец, глядя на меня в упор.

— Нет, — почесав головой, точно в раздумье, сказал летчик. — Я не трус. Все, что угодно, но не трус. Я имею ввиду форсирование Ламанча. Я был на Эльбе. Я один сбыл три «Мессершmittа». Я не трус. Вы верите в судьбу? — вдруг спросил он, не дождавшись ответа, продолжая:

— Тогда, на Западе, я знал, что буду жить. Несмотря ни на что. Я знал, что я нужен людям. Мы ведь воевали с Гитлером. Я верил, что буду жить...

Он замолчал и стал зачем-то опускать засученные рукаи рубашки.

— Ну, а теперь? — спросил я.

— И поехал в Корею из-за денег, — сказал летчик, перегибая пальцы. — Кажется, в вашей стране эта причина не считается уважительной. Нам хорошо пластили. Но...

Летчик вдруг вскочил, и голос его стал дрожать и взъерошиваться.

— Корейцы пипут, что мы звери! Это неправда! Мы не все...

Он осекся, точно оборвал себя, и снова сел.

— Все равно ничего бы не вышло, — сказал летчик, точно отчаявшись на краю обрыва. — Я, конечно, мог стрелять... Там, на Западе, в сорок третьем, я погиб бы, но не сдался бы в плен... А здесь... К чему?..

Он говорил сумбурно, отрывисто, точно передавая из уст в уста.

— Ну, как пленный? — спросили мы.

Командир препенебрежительно махнул рукой:

— Разговорив. — И добавил: — Сейчас его отправят в тыл.

Тогда я попросил разрешения побеседовать с американцем по его отправке...

В комнате, как обычно в корейских «шиби», не было мебели. Летчик сидел в углу на матрасе. Трудно было сразу определить, сколько ему лет, — может быть, двадцать пять, — может быть, и за тридцать. Лицо было молодым, а глаза мутные, старые, с сетью морщинок вокруг. Уголок рта подергивался. На летчике была военная кремовая рубашка с трафаретом на засунутом рукаве. Волосы казались седыми, точно от пыли.

Увидев лицо европейца, летчик чуть приставил, и в глазах его промелькнула какая-то смесь надежды, тревоги и удивления.

Я сказал, что являюсь советским журналистом и хотел бы получить нечто вроде интервью.

— Какая страна? — переспросил аме-

риканец. У него был низкий, тут же хрипловатый голос.

— Советский Союз, — повторил я. — О... — протянул летчик, и мне показалось, что он как-то внутренне обмяк. Потом он сказал:

— Я встречался с вашими ребятами на Эльбе. Дома у меня есть рубль с автографом советского капитана.

Уголок рта у него задергался быстрее.

Я попросил американца рассказать обстоятельства его плещения. Его рассказ почти слово в слово повторял сообщение корейского офицера. Новым было то, что посадку, оказывается, летчику пришлось сделать из-за неисправности в моторе. Мне показалось странным, что американец не пытается смягчить свое трусливое поведение, — ведь он сдался фактически безоружному человеку. И так прямо и выскажал ему это.

Летчик ножом плечами и сказал:

— Не все ли равно?

В том, как он произнес эту туманную фразу, было столько азартности, я бы сказал, обреченностей, что мне очень захотелось вызвать американца на более подробный разговор. Я сказал:

— Вы сдались в плен, имея оружие в руках. Почему вы не защищались? Ведь против вас был всего один человек?

— Вы хотите сказать, что я трус? — спросил американец, глядя на меня в упор.

— Нет, — почесав головой, точно в раздумье, сказал летчик. — Я не трус. Все, что угодно, но не трус. Я имею ввиду форсирование Ламанча. Я был на Эльбе. Я один сбыл три «Мессершmittа». Я не трус. Вы верите в судьбу? — вдруг спросил он, не дождавшись ответа, продолжая:

— Тогда, на Западе, я знал, что буду жить. Несмотря ни на что. Я знал, что я нужен людям. Мы ведь воевали с Гитлером. Я верил, что буду жить...

Он замолчал и стал зачем-то опускать засученные рукаи рубашки.

— Ну, а теперь? — спросил я.

— И поехал в Корею из-за денег, — сказал летчик, перегибая пальцы. — Кажется, в вашей стране эта причина не считается уважительной. Нам хорошо пластили. Но...

Летчик вдруг вскочил, и голос его стал дрожать и взъерошиваться.

— Корейцы пипут, что мы звери! Это неправда! Мы не все...

Он осекся, точно оборвал себя, и снова сел.

— Все равно ничего бы не вышло, — сказал летчик, точно отчаявшись на краю обрыва. — Я, конечно, мог стрелять... Там, на Западе, в сорок третьем, я погиб бы, но не сдался бы в плен... А здесь... К чему?..

Он говорил сумбурно, отрывисто, точно передавая из уст в уста.

— Ну, как пленный? — спросили мы.

Командир препенебрежительно махнул рукой:

— Разговорив. — И добавил: — Сейчас его отправят в тыл.

Тогда я попросил разрешения побеседовать с американцем по его отправке...

В комнате, как обычно в корейских «шиби», не было мебели. Летчик сидел в углу на матрасе. Трудно было сразу определить, сколько ему лет, — может быть, двадцать пять, — может быть, и за тридцать. Лицо было молодым, а глаза мутные, старые, с сетью морщинок вокруг. Уголок рта подергивался. На летчике была военная кремовая рубашка с трафаретом на засунутом рукаве. Волосы казались седыми, точно от пыли.

Увидев лицо европейца, летчик чуть приставил, и в глазах его промелькнула какая-то смесь надежды, тревоги и удивления.

Я сказал, что являюсь советским журналистом и хотел бы получить нечто вроде интервью.

— Зачем пришли они сюда, на этот далекий полуостров? Надо ли было пытаться за

триевать земель, чтобы покрыть себя «неувядаемым» позором?»

Им говорили, что это будет легкая постыдная прогулка, — трус и насилиник всегда в душе хочет стать полицейским. Но солдатом, в высоком смысле этого слова, он никогда не станет. Вооруженные до зубов полицеисты встретили настоящие солдаты — бойцы корейской Народной армии, а затем и китайские добровольцы. Напачки, пришедшие увидеть людей только за то, что они хотят быть свободными и независимыми, встретили люди, для которых победа — вопрос их жизни и смерти. И вот результат: десятки тысяч американцев погибли в подножии непокоримых корейских гор. Десятки тысяч американцев получили ранения. Другие избрали себе иную долю: они слились в плен и ныне проживают там, где бросяли их на позор и бесчестие.

Мертвые сраму не имут, говорят пословицы. Но есть позор, не падающий и мертвых. И многие живые американцы с горечью осознали это. Они, разбивчившие в Корее, пытающиеся людей, поливавшие на аламыж жилые дома, попав в плен, с тревогой и страхом жалеют: какой местью воздадут им корейцы за все преступления.

Они жалеют, но Народная армия не мстит пленным, — в этом ее отличие от американской и всякой иной армии фашистского типа. С пленными американцами обращаются по-человечески. И в сознании многих обманутых солдат, бывших ветеранов войны на Западе, начинает пробудиться то человеческое, что еще осталось в глубинах их души.

Я, Джексон Сикофи, — заявил по ханчжинскому радио лейтенант, командир 1-го взвода 2-й роты 6-го батальона 21-го полка 24-й дивизии американской армии — являюсь одним из тех американских военных, которые приняли участие в незаконной агрессии против корейского народа и были пленены вражескими войсками Народной армии. Это война спровоцирована американцами на Западе, а сейчас начнется превращение в чрезвычайное.

Мертвые сраму не имут, говорят пословицы. Но есть позор, не падающий и мертвых. И многие живые американцы с горечью осознали это. Они, разбивчившие на аламыж жилые дома, попав в плен, с тревогой и страхом жалеют: какой местью воздадут им корейцы за все преступления.

Они жалеют, но Народная армия не мстит пленным, — в этом ее отличие от американской и всякой иной армии фашистского типа. С пленными американцами обращаются по-человечески. И в сознании многих обманутых солдат, бывших ветеранов войны на Западе, начинает пробудиться то человеческое, что еще осталось в глубинах их души.

Я, Джексон Сикофи, — заявил по ханчжинскому радио лейтенант, командир 1-го взвода 2-й роты 6-го батальона 21-го полка 24-й дивизии американской армии — являюсь одним из тех американских военных, которые приняли участие в незаконной агрессии против корейского народа и были пленены вражескими войсками Народной армии. Это война спровоцирована американцами на Западе, а сейчас начнется превращение в чрезвычайное.

Мертвые сраму не имут, говорят пословицы. Но есть позор, не падающий и мертвых. И многие живые американцы с горечью осознали это. Они, разбивчившие на аламыж жилые дома, попав в плен, с тревогой и страхом жалеют: какой местью воздадут им корейцы за все преступления.

Они жалеют, но Народная армия не мстит пленным, — в этом ее отличие от американской и всякой иной армии фашистского типа. С пленными американцами обращаются по-человечески. И в сознании многих обманутых солдат, бывших ветеранов войны на Западе, начинает пробудиться то человеческое, что еще осталось в глубинах их души.

Я, Джексон Сикофи, — заявил по ханчжинскому радио лейтенант, командир 1-го взвода 2-й роты 6-го баталь